

Содержание

Глава 1. БЕЛЫЙ.....	5
Глава 2. ПОБЕГ	13
Глава 3. ОТЧИЙ ДОМ	20
Глава 4. КРАХ МИРА.....	31
Глава 5. БОЛЬШАЯ МЕДВЕДИЦА.....	39
Глава 6. ПЕРВАЯ ЗАЦЕПКА.....	45
Глава 7. САНДАРМОХ.....	55
Глава 8. ВРЕМЯ ЧУДОВИЩ	65
Глава 9. ПРОСТЫЕ РЕШЕНИЯ.....	72
Глава 10. О ЛЮДЯХ И НЕЛЮДЯХ.....	81
Глава 11. КТО ТЫ БУДЕШЬ ТАКОЙ	90
Глава 12. МЕДВЕЖЬЕ МОЛОКО	101
Глава 13. ДОПРОС.....	110
Глава 14. ДУРНАЯ ВОДА.....	119
Глава 15. О ЧЕРНОКНИЖИИ	133
Глава 16. ТЛЕН И ТИНА.....	143
Глава 17. МРАМОРНЫЙ ГЛАЗ.....	149
Глава 18. ПО СЛЕДУ.....	159
Глава 19. ВОРОНЬЕ ПЕРО.....	173
Глава 20. МОЛОДОСТЬ АНИ МАЛЕЕВОЙ.....	184

Глава 21. КЛЮВЫ И КЛЫКИ.....	191
Глава 22. ПОГОНЯ	201
Глава 23. НОВОЕ ЗНАКОМСТВО	209
Глава 24. МЕМОРИАЛ	221
Глава 25. ЗВЕРЬ ПРОБУЖДАЕТСЯ	231
Глава 26. МАТЬ ДАЮЩАЯ, МАТЬ ЗАБИРАЮЩАЯ	239
Глава 27. СТРАЖ БЕЛОМОРСКИХ ПЕТРОГЛИФОВ	247
Глава 28. НЕ ВИДЕТЬ ЗЛА.....	255
Глава 29. БОГ ИЗ МАШИНЫ.....	266
Глава 30. ВОЗВРАЩЕНИЕ.....	274
Глава 31. НАИЗНАНКУ.....	285
Глава 32. БЕЗ ПРОЩЕНИЯ.....	295
Глава 33. КУСОЧЕК МОЗАИКИ.....	301
Глава 34. ОСВОБОЖДЕНИЕ	311
Глава 35. СВЯТЫЕ КИНЕРМЫ	325
Глава 36. ПЛАМЯ ГНЕВА ЕЁ.....	336
Глава 37. ГНЕЗДО	345
Глава 38. ИСЦЕЛЕНИЕ	355
Глава 39. РЯБИНА И КРОВЬ.....	362
Глава 40. ЧУДЬ БЕЛОГЛАЗАЯ.....	373
ЭПИЛОГ	379

Глава 1

БЕЛЫЙ

Девочку нашли, присыпанную палой листвой, в неглубоком овраге. Волосы уже оплела грибница, между обескровленных губ проглядывали раздавленные рябиновые ягоды.

— Грибники обнаружили, — в голосе опера слышалась легкая хрипотца. — Отец и сын. Мальчишка ей ровесник, будет теперь работка нашим психологам. Курите?

Протянул мятую пачку.

— Благодарю, мешает работе, — отказался Белый и, опустившись на корточки, потянул носом.

Даже сквозь марлю тянуло сладковатым духом разложения, смешанным с благоуханием осенней листвы. Крови не было. На иссиня-белой, будто полупрозрачной, коже — сгибах локтей, плечах и, главное, у ключицы — цвели чёрные гематомы.

Смерть в результате механической асфиксии. В заключении укажут именно это.

Белый почти распластался по земле, осторожно вдыхая запах мокрой коры и перепачканных грязью волос, пряный аромат кожи и мха, отдалённую, но резкую вонь мужского одеколона.

— Прошу вас отойти, — Белый глянул на опера снизу вверх.

Тот стушевался, как терялись все, кто напрямую сталкивался с его взглядом — один глаз у Белого был светло-голубым, другой отливал в желтизну, — и осведомился:

— А собачку когда ожидать, Герман Александрович? Астахова интересуется, она у нас баба ух! С самого утра лютует.

— Нет никакой собачки, — ответил Белый, — один работаю.

Дождавшись, пока опер отойдёт, Белый вытянул марлевый шарик сперва из левой ноздри, потом из правой.

Волны запахов обрушились сразу со всех сторон, закрутили в водовороте. Прикрыв глаза, Белый переживал этот первичный поток, постепенно раскладывая вязкую хаотичную массу на ручейки разрозненных запахов — от опера несло одеколоном, куревом и подгоревшим омлетом, полицейский уазик распространял удушливую бензиновую вонь, над головой судмедэксперта висело формалиновое облако, после грибников остались следы кислого пота, резины и сырости. Всё лишнее Белый усилием воли стёр с невидимой доски, оставив только запахи погибшей.

Её задушили прямо тут, в овраге. Перед смертью девочка обмочилась — от прелой хвои под ногами шёл слабый аммиачный запах, а вот следов спермы не обнаружилось — девочку не насиловали ни до гибели, ни после. И всё забивал стойкий рябиновый дух.

Белый уже чуял его раньше, у Рыбацкого пролива, где из воды выловили тело тринадцатилетнего подростка. Состояние не позволило точно определить, был ли мальчик задушен, смерть списали на несчастный случай, но в желудке обнаружили несколько рябиновых ягод, и кое-кто засомневался, причислив погибшего к цепочке пропавших детей. Одним из сомневающихся был сам Белый, другим — Лазаревич.

Это он позвонил тем сентябрьским вечером, когда сумерки за окном налились болезненной синевой, за облачностью зрела луна, суставы крутило после *изменения*, а запахи гниющих яблок и рассыхающегося дерева не могли перебить уксусную остроту. Белый глядел на бутылку стеклянным взглядом, и костяшки пальцев, сжатые вокруг горлышка, сводило судорогой так, что он долго не мог распрямить их, чтобы взять со стола вибрирующий телефон.

— Уж полночь близится, а Герман ли на месте? — голос был слегка приглушен динамиком. — Сергей Леонидович говорит. Помнишь?

— Да.

Голосовые связки не до конца вернули прежнюю эластичность, а потому слова выходили невнятными. От запаха уксуса мутило. Успел отхлебнуть или решимости не хватило? Не хватило, говорил себе Белый, потому что бирюк и выродок. Разве это жизнь?

— Жив, сукин сын?

— Поживее видали.

— Ты мне это прекрати! — строго сказал Лазаревич. — Рано на *Ту* сторону собираться! Работа есть. В Лес пойдёшь.

— Хрена лысого!

Скрутив невидимому собеседнику дулю, Белый толкнул колченогий стол. Бутыль опрокинулась, выхаркнула на пол яд и закрутилась у самого края, балансируя, но не падая.

— Пойдёшь, — повторили в трубке. — Специалист нужен. Слышишь? Позарез! Новости не смотришь, поди?

Белый неопределённо повёл плечом. Миром он давно не интересовался, ограничив своё общение с ним редкими вылазками до «Пятёрочки». Там поджидало искушение: прилавки со свежим, а чаще чуть лежалым мясом, женщины с железистым душком месячных, мужчины со свежими порезами брит-

вой. Так пахла добыча. Всё в этом мире — пёстрое, живое, дышащее, пульсирующее, наполненное тёплой кровью и спущенное мимо Белого — истоиво дёргало за тонкий нерв зверя. Каждый раз, выходя в большой мир, Белый боялся, что снова не выдержит.

Но после звонка Лазаревича — того Лазаревича, который дважды вытаскивал Белого с *Той* стороны, один раз после срыва и другой — теперь, — он, склонившись над унитазом, совал два пальца в рот, прочищая желудок от уксуса: вдруг успел хлебнуть? А уже на следующий день купил билет до Приозёрска и трясся в автобусе, вдев в ноздри марлевые тампоны. Попутчики его сторонились, как сторонятся любого чужака, непохожего на них, а мимо проносились сосновые леса и болота, болота и леса, и не было им края.

Сперва — Приозёрск.

Потом — Петрозаводск.

И вот — Медвежьегорск.

Ареал работы маньяка оказался весьма широк.

— Меня терзают смутные сомнения, что наш маньяк через Лес работает, — сказал тогда Лазаревич. — А доказать не могу. И рябина... К чему бы тут рябина?

Ответа Белый не знал, но очень хотел выяснить.

Карелия щетинилась незыблемым лесным массивом, но не была лесом. Вернее, не тем Лесом, в который Белый готовился нырнуть.

Тот Лес встречал туманом и шорохом опадающей хвои. В *том* Лес Белый входил всегда настороженно, пятясь и никогда не глядя через плечо, пока туман не окутывал его белесой взвесью, а нос не начинал щекотать запах озона, какой бывал во время грозы.

Посчитав, что забрёл достаточно глубоко, Белый медленно повернулся.

На первый взгляд ничего не изменилось: у дороги так же темнел уазик, негромко переговаривались криминалисты и бескровными холмиками выступали над листвой колени и едва начавшие формироваться груди погибшей. И всё-таки стало немного иным. Лес наслаивался на реальность, дополняя и изменяя её, и Белый видел реальный мир голубым глазом, а его изнанку жёлтым. Над недавно постеленным дорожным полотном колыхались заросли папоротника, по разлапистым листьям ползали поблескивающие слюдяными крылышками твари. На крыше уазика росла дикая ягода — срывать её было нельзя, в ней вызревала ядовитая жабья икра. В осиннике, перекрывая сиротливое кукование, кто-то перешёптывался и гудел.

В Лесу все чувства становились острее, и каждый раз, погружаясь в него, Белый ощущал что-то сродни эйфории.

Ещё раз обнюхав место преступления и уже не опасаясь быть замеченным полицейскими, он развернулся к востоку и побрёл, цепляя мантией боярышник.

Девочку несли со стороны Медвежьегорского шоссе, в земле виднелись небольшие углубления, но определить протектор подошвы не представлялось возможным — ночью прошёл дождь и размыл рисунок. Асфальт не хранил отпечатков чужих ног, зато их хорошо сохранил папоротник. Под подошвой что-то растеклось алой кашицей. Отступив, Белый тронул мыском раздавленные ягоды рябины, и лесная мелочь прыснула из-под ног. Туман принёс знакомый запах с другой стороны шоссе, и Белый пересёк его, углубляясь в Лес параллельно железнодорожному полотну.

Её кормили рябиной сначала жалеючи, потом насильно. Белый почти видел, как девочке протягивают горсть, полную алых ягод. Она мотала головой, просила отпустить, и тогда ей разжимали рот...

Втянув окружающие запахи, Белый вдруг подумал, что совершенно не чувствует запах убийцы. Девочка была тут, это он знал совершенно точно — её шлейф висел в воздухе, буд-

то прокладывал невидимую тропинку, а вот почуять убийцу не удавалось. Он мог быть мужчиной или довольно сильной женщиной, иначе как унести на руках двенадцатилетнего подростка? Девочка к тому же отличалась спортивным телосложением и, судя по всему, занималась верховой ездой. Она обожала молочный шоколад и лошадей, наверняка мечтала о собственном пони и накануне ходила с подружками в пizzerию — от неё ещё пахло тестом и колбасками пеперони. Она вошла в Лес, не зная, что её подкарауливает хищник. И этот хищник сделал всё, чтобы оставаться невидимкой.

Что-то с шорохом осыпалось с веток, мягко стукнуло по затылку. Белый глянул вверх.

Небо наливалось предвечерней чернотой, хотя наручные механические часы показывали полдень: в Лесу время двигалось по-своему, пространство искривлялось и, если уж вошёл в Лес, будь готов, что выйдешь из него совсем в другом месте и времени, даже если пробыл в нём всего-то пару минут.

Ветви рябин гнулись под тяжестью гроздьев. Ягоды алели кровавыми сгустками, время от времени падали в мох и хвою — под ногами стлался ковёр из прошлогодних листьев и свежих ягод. А ещё на рябинах сидели снегири — не рано ли для начала октября? Великое множество снегирей! Алогрудые, точно вымазанные рябиным соком, они устали на Белого немигающие горошины глаз и выжидали.

Белый выпрямился, медленно опуская руки. Главное в Лесу — сохранять спокойствие, даже если над головой черно от птиц. Их неподвижность была неживой и оттого пугающей. Белый понимал, почему они собрались тут, неподалёку от трупа девочки, в Лесу, полном осенней сырости и предзимнего умирания. Но всё-таки нужно было проверить.

Почти небрежно он потянулся к карману чёрной шерстяной кофты-мантии. Пальцы нащупали оплавленный краешек, потянули.

— Руки за голову!

Негромкий окрик прозвучал в Лесу громовым раскатом. Снегири порхнули — красно-чёрная туча взвилась над рябинами, воронкой втянулась в небо. Белый повалился на землю, заслоняясь от бьющих по лицу крыльев, выронил закопчённое стекло. Сквозь мельтешение птиц видел, как женщина за его спиной втянула голову в поднятый ворот пальто, но удержалась на ногах, не сводя с Белого пистолета.

— Живее! Руки, я сказала!

Её голос перекрывал вихревой гул. Последняя замешкавшаяся птица порхнула с ветвей, просыпав несколько ягод. Не оборачиваясь, Белый поднял ладони:

— У меня есть разрешение.

— Молчать! Ноги на ширину плеч, лютый! У меня серебряные пули! И я не побоюсь всадить их в твою задницу, перевертень!

— Ликан, с вашего позволения, — поправил Белый.

Она приблизилась со спины, умудряясь оставаться на безопасном расстоянии. Фигура была обведена мерцающим ореолом — это было ожидаемо, ведь обычный человек не сунется в Лес, тем более не отыщет перевертня по следу.

— Разрешение в левом кармане, — повторил Белый. — Взгляните сами.

Цепкие пальцы выудили из кармана мантии бумагу. Женщина вчиталась, хмурия брови и время от времени дёргая уголок рта. На вид — немногим больше тридцати, высокая и поджарая, красивая строгой северной красотой, с каштановыми волосами, собранными в пучок.

Легавая.

Она дочитала и издала грудной вздох, как показалось Белому — сожаления, бросила небрежное:

— Штрихкод?

— Я могу опустить руки? — осведомился Белый.

Не дождавшись ответа, молча оттянул ворот мантии, обнажая татуировку у основания шеи. Кажется, женщину это удовлетворило.

— Капитан Астахова, — представилась она. — Вероника Витальевна, начальник местного УГРО по Медвежьегорскому району. Значит, вас прислал Сергей Леонидович.

— Он, — подтвердил Белый, оборачиваясь и протягивая ладонь. — Резников Герман Александрович, специалист по запаховому следу. Но все зовут меня Белым. Вы видите, почему.

Он склонил белую голову в полупоклоне, но женщина и бровью не повела.

— Нюхач, значит.

— Одоролог. Могу предъявить сертификат.

— Тогда рассказывай, что унюхал, лютый. Только из Леса выйдем, — сказала Астахова, давая понять, что инцидент исчерпан и она предпочла бы перевертню хорошего кинолога с овчаркой, но против веского слова Лазаревица возражений не имела. Впрочем, руки так и не подала.

Что люди, что двоедушники одинаково брезгливо относятся к перевертням и альбиносам, но за тридцать лет привыкаешь и не к такому.

И Белый начал рассказывать.